

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЗАНЯТИЯ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2021

С.В. Кондратьев, доцент кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: высшее положение в преступной иерархии; предупреждение преступлений; преступная иерархия; вор в законе; культурология; криминальная субкультура; судебная экспертиза.

Аннотация: Рассмотрены особенности криминальной субкультуры, способствующие укреплению преступной иерархии и занятию высшего положения в ней. Выделены регулятивные и атрибутивные признаки криминальной субкультуры. Соответствующие им культурологические меры по предупреждению занятия высшего положения в преступной иерархии сведены к преодолению тоталитаризма и экстремизма, культа личности преступных лидеров, а также пресечению использования культовых татуировок, жаргона, других атрибутов криминальной субкультуры. Определено, что при установлении лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, большое значение имеют специальные знания не только о психической сфере преступника, но и о криминальном «мире», который в своей совокупности образует определенную криминальную субкультуру. Установлено, что атрибутивные элементы криминальной субкультуры выполняют в преступном мире ряд функций: коммуникативную, конспиративную и опознавательно-стратификационную, так как позволяют установить принадлежность конкретного индивида к той или иной преступной касте. Конкретизированы культурологические детерминанты занятия высшего положения в преступной иерархии, и на их основе предложены криминологические подходы к противодействию данному виду преступности. Акцентировано внимание на том, что предметом культурологической экспертизы при установлении факта занятия лицом высшего положения в преступной иерархии является конкретный статус отдельного лица, особенности его приобретения и наличие отличительных атрибутивных элементов. Основной задачей эксперта является определение соответствия процесса занятия лицом конкретного криминального статуса существующим нормам, традициям криминального сообщества. На примерах из следственно-судебной практики показаны возможности судебной культурологической экспертизы по установлению фактов и обстоятельств, которые способствовали (могли способствовать) занятию высшего положения в преступной иерархии.

ВВЕДЕНИЕ

Озабоченность государства возрастающим влиянием лидеров преступного мира выражена нормой ст. 210¹ УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии. Законодателем выделен специальный субъект преступления – лицо, занимающее указанное положение, однако остается неопределенным содержание понятий преступной иерархии и высшего положения в ней [1–3]. Между тем в современной судебной практике можно найти попытки правоприменителя сформулировать данные понятия. Так, Верховный суд РФ в одном из своих определений по уголовному делу трактует статус вора в законе как занимающего высшее положение в преступной иерархии [4]. Этим термином обозначено лицо, обладающее непрерываемым авторитетом в преступном мире. По мнению большинства ученых и данных научной литературы, к статусным лидерам преступной иерархии также относятся положенец, смотрящий, держатель воровской кассы и другие [5–7]. Можно видеть, что содержание понятий, связанных с дефиницией указанной статьи УК РФ, определено правилами и традициями преступного мира [8]. Результаты литературного обзора показали, что эти проблемы совершенно недостаточно разработаны и весьма слабо освещаются, в том числе и в нормативной литературе [9; 10]. Ученые-криминологи указывают, что на современном этапе развития российского общества насаждается преступная идеология, укрепляются воровские традиции и обычаи [11; 12].

Система таких правил и традиций осыящена криминальной субкультурой. По мнению ученых, на ее основе структурируется преступный мир, обеспечивается его устойчивость и стабильность [13]. В соответствии с положениями криминальной субкультуры, воры в законе и иные высшие иерархи преступного мира – это лица, получившие такое звание на воровских сходках, нередко обставленных пышными церемониями и воровскими ритуалами. Принятая в преступном мире ритуальная форма занятия высшего положения в преступной иерархии служит укреплению позитивного имиджа уголовно-воровских обычаев и традиций в общественном сознании. Именно благодаря культурной поддержке преступное лидерство приобретает распространение в обществе. Представители современной молодежи чаще рассматривают образ криминальных лидеров как отрицательный. А часть представителей старшего поколения, напротив, считают, что криминальные лидеры скрываются за имиджем богатых, уважаемых людей, которые в прошлом преступили закон. В любом случае культура закрепляет в общественном сознании идеи и ценности преступного лидерства.

Становится очевидным значение культурологических факторов, детерминирующих совершение такого преступления, как занятие высшего положения в преступной иерархии. Однако до настоящего времени в научной литературе не исследованы культурологические причины преступности рассматриваемого вида. Не разрабатываются и соответствующие направления в противодействии занятию высшего положения в преступной иерархии. Поэтому на современном этапе приобретают

актуальность исследования культового компонента преступлений, связанных с занятием высшего положения в преступной иерархии.

Цель работы – конкретизация культурологических детерминант занятия высшего положения в преступной иерархии и на этой основе предложение криминологических подходов к противодействию данному виду преступности.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Объект настоящего исследования – особенности криминальной субкультуры, способствующие укреплению преступной иерархии и занятию высшего положения в ней. Предмет исследования – определение соответствия процесса занятия лицом конкретного криминального статуса существующим нормам, традициям криминального сообщества. Исследование проведено на материалах практики расследования занятия высшего положения в преступной иерархии, представленных в научной литературе и других источниках.

Ввиду ограниченности практического материала (количество возбужденных уголовных дел по рассматриваемой уголовно-правовой статье составляет единицы) применен кейс-метод для изучения сведений об отдельных лицах, занимающих высшее положение в преступной иерархии. В результате исследования выделены регулятивные и атрибутивные признаки криминальной субкультуры, детерминирующие занятие высшего положения в преступной иерархии. Формально-логический метод положен в основу проведения судебной культурологической экспертизы по установлению фактов и обстоятельств, которые способствовали занятию высшего положения в преступной иерархии. Специальным сравнительным методом судебной экспертизы построены методики проверки достоверности представленных объектов путем установления признаков их фальсификации, уничтожения, видоизменения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Криминальная субкультура как система антиобщественного поведения, способствующая организованности преступных групп

Криминальная субкультура занимает определенное место в сфере культуры. Культура понимается как совокупность производственных, общественных и духовных достижений человека. Ее определяют как совокупность символов, идей, ценностей, обычаев, верований, традиций, норм и правил поведения, посредством которых люди организуют свою жизнедеятельность. Она включает убеждения и моральные ценности общества. Однако культура, господствующая в обществе, не носит для него универсального характера. Отдельные общественные группы создают собственную субкультуру как систему ценностей, установок, способов поведения определенной социальной группы [14].

Исследованию криминальной субкультуры уделяют внимание современные криминологи. В научной литературе обсуждаются различные подходы к определению этого феномена. Так, ученые трактуют указанное понятие как систему антиобщественных традиций и обы-

чаев, совокупность ценностей, норм и правил антиобщественного поведения, направленных на организацию преступной жизнедеятельности, искаженных человеческих ценностей, способствующих организованности преступных групп [15]. Встречаются определения данного понятия как социально-негативного поведения на общесоциальном уровне, как определенного уровня развития жизни преступных сообществ, как образа жизнедеятельности участников криминальных групп и стереотипов криминогенного поведения лиц с криминальными установками. Некоторые авторы ограничивают распространение криминальной субкультуры местами лишения свободы [16]. В целом рассматриваемое понятие обозначает правила криминальных взаимоотношений, включающие систему неофициально установленных обычаев, традиций, норм и правил антиобщественного поведения. Криминальная субкультура содержит свод законов для участников преступной деятельности, а также санкции за отступление от них. В ней представлен порядок взаимодействия между преступными группировками. Такая субкультура создает условия для формирования и воспроизводства преступной иерархии. Ее экспансия в общественное сознание осуществляется в интересах статусных лидеров преступного мира. Данный вывод подтверждается наличием в ней структурных элементов, способствующих укреплению преступной иерархии и существованию статусных лидеров в ней.

Сращивание криминальной субкультуры с идеей тоталитаризма и экстремизма

Исследователи обращают внимание на поглощение криминальной субкультурой идеей тоталитаризма и экстремизма. Действительно, одобрение преступной иерархии и культа ее статусных лидеров сращивается с идеологией тоталитарных сообществ. Выраженное в преступной среде пренебрежение законом, а также нормами морали находит замену в криминальной субкультуре идеями экстремизма, прославлением квазиморальных ценностей, оправданием экстраординарных мер для достижения преступными сообществами собственных целей. В таком ключе авторы выделяют среди приверженцев криминальной субкультуры группы экстремистов и радикалистов, тоталитарные организации и др. [17]. Ученые отмечают, что экстремистам, радикалистам и тоталитарным организациям присущи такие общие черты с субкультурой профессиональной и организованной преступности. Поэтому указанные группы можно называть объединениями профессиональных преступников. Становится очевидным, что распространение в обществе криминальной субкультуры способствует укреплению в нем идей тоталитаризма и экстремизма. Это направление в культуре корреспондирует с укреплением преступного лидерства [18]. Поэтому предупреждение занятия высшего положения в преступной иерархии должно производиться по направлениям противодействия указанным идеям, распространяемым средствами криминальной субкультуры.

Криминологи выделяют следующие элементы в структуре криминальной субкультуры: определенный «табель о рангах», который закрепляет положение участника преступного мира посредством таких элементов, как клички, татуировки, привилегии, поведенческие

стереотипы; воровские и тюремные законы, правила, традиции, клятвы, проклятия, принятые в криминальной среде; коммуникативные атрибуты, включающие уголовный жаргон, жесты, клички и татуировки; тюремная лирика (песни, стихи) [19]. К этому перечню другие ученые добавляют невербальные способы общения (жесты, знаки, сигналы) и тюремные традиции и нормы поведения, за нарушение которых предусмотрено наказание, а также криминальный культ, составляющими которого являются культ личности и оружия. В целом элементы криминальной субкультуры разделяют на: 1) регулятивные, т. е. законы и правила поведения, посредством которых осуществляется регулирование криминальных взаимоотношений; 2) атрибутивные – татуировки, жаргон, клички, жестикация, мимика, отражающие принадлежность к тому или иному виду преступной деятельности; 3) эмоциональные, включающие тюремный фольклор.

Авторы, исследуя вопросы привлечения к уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии, следующим образом выделяют в предмете доказывания обстоятельства культурологического характера, подлежащие установлению в ходе расследования: содержание криминальных традиций и обычаев, правил и процедуры занятия лицом высшего положения в преступной иерархии, а также атрибутивных и регулятивных элементов криминальной субкультуры, соответствующих высшему статусу преступной иерархии [20].

Установление фактов и обстоятельств, определяющих культовое содержание способа совершения преступления

При расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии и установлении места и роли конкретного лица в преступном мире применяют специальные знания в области криминальной субкультуры. Формой применения таких специальных знаний называют судебную культурологическую экспертизу [21]. Необходимость экспертных культурологических исследований обусловлена рядом процессов, связанных с развитием информационного общества, массовизацией, поглощающей индивидуальность человека, маргинализацией и глобализацией. Культурологическая экспертиза позволяет исследовать не фрагменты реальной преступной действительности, а криминальное субкультурное пространство и его место в культурном пространстве общества. Объекту, предмету и задачам судебной культурологической экспертизы уделяют внимание ряд авторов. Так, ее содержание трактуют как исследование знаковых, коммуникативных и смысловых аспектов современной культуры. Посредством такой экспертизы оценивается характер символической деятельности человека, т. е. его представления о событии или явлении жизни и отношение к ним. Методологической основой культурологической экспертизы называют культурологический подход, ставящий целью установление культурного значения и ценности предметов, фактов, явлений и суждений сферы культуры. В качестве объектов культурологической экспертизы авторы называют культурные материальные ценности, моральные, нравственные и социальные нормы, мировоззрение, правила и типы поведения и т. п. К матери-

альным объектам такой экспертизы относят произведения художественного творчества, в частности вербальные тексты. В нашем случае объектами экспертного исследования выступают конкретные символические изображения (например, татуировки), а также явления криминальной субкультуры (например, ритуал занятия лицом высшего положения в преступной иерархии), другие материальные носители символических смыслов, означающих принадлежность лица к высшей ступени преступной иерархии.

К предмету культурологической экспертизы относят факты и обстоятельства, исследуемые посредством использования специальных культурологических знаний. Предметное поле культурологической экспертизы обозначают понятием «культурные ценности», такие как нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения. Ученые отмечают постоянное расширение предметной области культурологической экспертизы. Применительно к проблематике настоящего исследования определенные факты и обстоятельства занятия высшего положения в преступной иерархии могут быть установлены судебной культурологической экспертизой материальных носителей культовых смыслов. Порядок назначения и производства культурологической экспертизы урегулирован главой 27 УПК РФ.

Конкретизируем задачи судебной культурологической экспертизы занятия высшего положения в преступной иерархии. По представленным материалам уголовного дела установлению подлежат факты и обстоятельства, определяющие культовое содержание способа совершения преступления. Действия, составляющие способ совершения рассматриваемого преступления, закреплены в криминальной субкультуре. Устанавливаемые факты и обстоятельства, свидетельствующие о воровских обычаях и традициях присвоения лицу лидерского статуса в преступной иерархии, составляют регулятивный элемент криминальной субкультуры. Экспертизой устанавливаются и атрибутивные элементы статусного лидерства – поведенческие стереотипы высшего преступного иерарха, его клички и используемый жаргон.

В общем, объектом культурологической экспертизы по установлению факта занятия лицом высшего положения в преступной иерархии являются неформальные нормы и правила поведения («воровские законы», «преступные традиции», «понятия», «тюремные законы», «прогоны», «правила»), т. е. неписанные императивные нормы преступного мира, посредством которых урегулирована преступная иерархия, а также основания и порядок занятия лицом высшего положения в преступной иерархии. Посредством специальных культурологических знаний в области криминальной субкультуры возможно установить, является ли конкретное лицо ее носителем, т. е. занимает ли данное лицо определенное статусное положение в преступной иерархии; какие регулятивные/атрибутивные элементы криминальной субкультуры свидетельствуют о его криминальном статусе; какими нормами криминальной субкультуры руководствуется данное лицо в ходе реализации приобретенного преступного статуса.

Перечень указанных фактов и обстоятельств позволяет установить культурологические характеристики способа совершения указанного преступления. Так,

задачей данной экспертизы становится установление соответствия процедуры приобретения лицом конкретного преступного статуса нормам, традициям и правилам, закрепленным в криминальной субкультуре. Устанавливаются культурологические признаки данного преступления, такие как выполнение требований, установленных воровским законом для соответствующей высшей ступени преступной иерархии (вор в законе, положенец, смотрящий и др.) в части прав, запретов и обязанностей.

Судебно-экспертная профилактика в системе мер профилактической деятельности органов досудебного следствия и суда

Содержание судебно-экспертной профилактики составляют экспертные профилактические исследования, проводимые в рамках профилактической работы следователя (суда) [22]. В специальной литературе судебная экспертиза признана одним из важных средств определения причин и условий, способствовавших совершению преступлений [23]. Судебно-экспертную профилактику следует понимать как систему мер по применению специальных знаний в профилактической деятельности органов досудебного следствия и суда. Судебно-экспертная профилактика на сегодня приобретает большое значение с учетом развития квалифицированных форм противодействия расследованию [24]. Поэтому оправданным представляется участие судебных экспертов в профилактической деятельности по предупреждению занятия высшего положения в преступной иерархии. На результатах экспертного профилактического исследования материалов расследуемого дела основаны профилактические рекомендации судебного эксперта по предупреждению занятия высшего положения в преступной иерархии.

Продемонстрируем возможности судебно-экспертной профилактики на примере опубликованных материалов следственно-судебной практики по результатам расследования занятия высшего положения в преступной иерархии.

В мае 2021 года Саратовский областной суд вынес обвинительный приговор С.Э. Асатрян (Осетрина Младший) по ст. 210¹ УК РФ¹. Факт занятия осужденным высшего положения в преступной иерархии был установлен в том числе и на основании заключения судебной экспертизы. Объектом экспертного исследования стали татуированные изображения. В результате установлено, что изображение паука, ползущего вверх по паутине, означает, что его носитель не намерен прекращать свою преступную деятельность. Татуированные изображения восьмиконечной звезды соответствуют занятию лицом высшего положения в преступной иерархии. Из приведенного примера можно заключить, что на основе специальных культурологических знаний подтверждена принадлежность лица к высшей ступени преступной иерархии. В профилактическом плане результаты экспертизы свидетельствуют о закреплении в криминальной субкультуре атрибутивных символов преступной иерархии. Поэтому с целью предупрежде-

ния рассматриваемого преступления можно рекомендовать меры по противодействию распространению культа татуированных символов преступного иерарха.

Следует отметить, что во всех доступных и рассмотренных материалах следственно-судебной практики культурологическая экспертиза проводилась только относительно имеющих на теле подозреваемого татуировок. Между тем объектами культурологической экспертизы могут служить не только они. Культурологическому исследованию подлежат и такие атрибутивные элементы криминальной субкультуры, как поведенческие стереотипы, клички и жаргон, а также иные отображения норм, закрепляющих криминальную иерархию и порядок занятия лицом высшего положения в ней.

Так, в научной литературе упомянуто уголовное дело по обвинению Ш.Т. Озманова по ст. 210¹ УК РФ, по которому был вынесен обвинительный приговор 7 октября 2020 года Московским городским судом города Москвы (документ по данному делу официально опубликован не был) [25]. В фабуле дела присутствует ссылка на то, что Ш.Т. Озманов был коронован ворами в законе. Однако при этом отсутствуют сведения о процедуре присвоения лицу указанного статуса. В деле также имеется воровской прогон (циркуляр), адресованный заключенным под стражу в СИЗО «Пресня» и подписанный ворами в законе, среди которых подпись Ш.Т. Озманова. В данном примере очевидны возможности судебной культурологической экспертизы устанавливать, опираясь на материалы дела, соответствие проведенной коронации вора в законе регулятивным нормам (традициям и обычаям), закрепленным криминальной субкультурой. Объектами экспертного исследования могут служить показания участников уголовного процесса, протоколы освидетельствования подозреваемого, различного рода документы (в т. ч. воровские прогоны), а также сведения, зафиксированные техническими средствами. В плане судебно-экспертной профилактики результаты проведенных экспертиз могут свидетельствовать о распространенности культа преступного иерарха, а также о степени общественного восприятия соответствующего ритуала. Культурологические экспертные исследования воровского прогона могут указать на обстоятельства, способствующие распространению и укреплению значения данного рода воровских циркуляров в обществе.

Из текста апелляционного определения Новосибирского областного суда от 5 октября 2016 г. по делу № 22-5764/2016 в отношении лидеров уголовно-криминальной среды А. и Ш. следует, что решение суда основано в том числе и на письменных документах, таких как материалы нелегальной переписки. Подозреваемый распространил среди спецконтингента письменное сообщение (прогон), обязательное для исполнения всеми заключенными и арестованными. В деле фигурируют протоколы осмотра изъятых документов, где приводится их содержание. Имеются результаты оперативно-розыскного мероприятия – прослушивания телефонных разговоров. Заметим, что указанные материалы дела могут стать объектами судебной культурологической экспертизы для выяснения фактов и обстоятельств принадлежности подозреваемых к числу статусных лидеров преступной иерархии. Могут быть установлены обстоятельства, способствующие воспри-

¹Саратовский областной суд вынес приговор «вору в законе» // Саратовский областной суд. URL: http://oblsud.sar.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=1698.

ятию воровских прогонов спецконтингентом в качестве циркуляров, обязательных к исполнению. Данные обстоятельства могут служить основанием для выработки профилактических мер среди представителей указанного контингента, направленных на предупреждение занятия высшего положения в преступной иерархии.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

По нашему мнению, культурологическому экспертному исследованию следует подвергнуть факты, свидетельствующие об изменениях воровских обычаев относительно присвоения лицу высшего статуса в преступной иерархии. Так, в 2012 году Андрей Казаков (Чили, Андруха Калининградский), бывший грабитель и насильник лиц престарелого возраста, но еще и охранник со стажем, получил титул вора в законе. Однако данный воровской статус урегулирован рядом запретов: нельзя осуществлять трудовую деятельность, проходить службу в армии, иметь семью, защищать интересы государства, допускать контакты с представителями власти, давать показания следственным и судебным органам и др. Между тем известны и другие воры в законе, получившие преступный статус в обход традиций криминальной субкультуры (например, Вова Питерский, Тимур Саратовский и др. имеют армейское прошлое). Материалы следственно-судебной практики, содержащие факты, противоречащие традиционным нормам криминальной субкультуры, требуют культурологического исследования, в том числе и по вопросам профилактического характера, поскольку изменение воровских традиций и ритуалов затрудняет расследование и предупреждение занятия высшего положения в преступной иерархии.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

1. Показано влияние криминальной субкультуры на распространение занятия высшего положения в преступной иерархии. Соответственно, в плане преодоления данного преступления предложено пресекать проявления криминальной субкультуры в общественной практике.

2. Отмечены регулятивные и атрибутивные признаки криминальной субкультуры, детерминирующие занятие высшего положения в преступной иерархии. К регулятивным отнесены присущие криминальной субкультуре тоталитаризм, одобрение идей экстремизма, квазиморальных ценностей, культ личности преступного лидера. К атрибутам приверженцев криминальной субкультуры отнесены татуировки и другие элементы внешности, клички, стереотипы антиобщественного поведения, жаргон.

3. Показано, что меры криминологического предупреждения занятия высшего положения в преступной иерархии следует направлять на преодоление в общественном сознании идей тоталитаризма и экстремизма, на запрет прославления преступных лидеров, а также на пресечение других проявлений криминальной субкультуры, как основных, так и атрибутивных.

4. Предложено проводить судебную культурологическую экспертизу по установлению фактов и обстоя-

тельств, которые способствовали (могли способствовать) занятию высшего положения в преступной иерархии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Расторопов С.В., Брежнева К.В. “Viam supervadet vadens”, или как правоприменитель прокладывает свой путь в освоении ст. 210.1 УК РФ // Евразийский юридический журнал. 2021. № 3. С. 256–259.
2. Степанов-Егиянц В.Г. К вопросу о криминализации занятия лицом высшего положения в преступной иерархии // Российский следователь. 2019. № 5. С. 57–61.
3. Кармановский М.С., Косьяненко Е.В. Ответственность за деяния, предусмотренные статьями 210 и 210.1 УК РФ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2. С. 147–152.
4. Шеслер А.В. «Вор в законе»: криминальный статус или основание уголовной ответственности // Вестник Кузбасского института. 2020. № 1. С. 110–123.
5. Агапов П.В., Сухаренко А.Н. Актуальные проблемы борьбы с лидерами преступной среды России // Безопасность бизнеса. 2017. № 5. С. 33–39.
6. Карпов А.А., Кохман Д.В., Грибцов А.Н. Уголовно-правовое регулирование ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии: особенности квалификации и перспективы законодательного совершенствования // Вестник Воронежского института ФСИИ России. 2021. № 1. С. 162–171.
7. Пантюхина И.В., Ларина Л.Ю. Проблемы регламентации и применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) // Lex russica (Русский закон). 2020. № 10. С. 159–170.
8. Ишигеев В.С., Романова Н.Л., Лапша В.Л. Криминальная субкультура и ее роль в определении высшего положения в преступной иерархии (вопросы квалификации статьи 210.1 УК РФ) // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2020. № 2. С. 82–87.
9. Глупова А.В., Карчаева К.А. К вопросу применения статьи 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2021. № 4. С. 267–268.
10. Ишигеев В.С., Исакова Е.А. Влияние искусства и средств массовой информации на формирование правосознания сотрудников полиции // Философия права. 2021. № 1. С. 169–172.
11. Хисамутдинов Ф.Р., Шалагин А.Е. Криминальная субкультура и ее предупреждение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2. С. 46–52.
12. Ардашев Р.Г., Туркова В.Н. Проблемные вопросы доказывания статуса «вора в законе» у обвиняемого при расследовании преступлений // Закон и право. 2019. № 6. С. 140–142.
13. Топильская Е.В. Об особенностях составов преступлений, предусмотренных статьями 210 и 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Криминалист. 2020. № 2. С. 38–42.
14. Брежнева К.В. Криминологические детерминанты профессиональной преступности и отдельные про-

- блемы ресоциализации рецидивистов // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4. С. 38–41.
15. Караваева Ю.С. Криминологическое значение высшего положения в преступной иерархии как характеристики социального статуса субъекта преступления и личности преступника // Российский журнал правовых исследований. 2020. Т. 7. № 3. С. 64–71.
  16. Берестовой Д.А. Преступная причастность к аутоагрессивным актам в местах изоляции от общества: криминологические и уголовно-правовые аспекты // Аграрное и земельное право. 2021. № 3. С. 124–128.
  17. Беляева Т.Н., Борисов С.В. Противодействие экстремизму (терроризму): приоритетное направление правоохранительной деятельности в аспекте обеспечения национальной безопасности // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4. С. 105–116.
  18. Расторопов С.В., Брежнева К.В. Влияние средств массовой информации на отношение в российском обществе к лидерам организованной преступности // Евразийский юридический журнал. 2020. № 5. С. 274–276.
  19. Бычков В.В. Уголовно-правовая характеристика занятия высшего положения в преступной иерархии (статья 210.1 УК РФ) // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 3. С. 26–31.
  20. Ишигеев В.С., Смолькова И.В., Пузикова А.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии как объект криминологического исследования // Российский следователь. 2020. № 11. С. 45–48.
  21. Дамдинов Б.В., Парфенов А.В. Применение специальных познаний в организации оперативно-розыскной, розыскной и идентификационной деятельности по борьбе с организованной преступностью и привлечению к уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии // Закон и право. 2021. № 5. С. 176–178.
  22. Моисеев А.М., Кондратюк С.В., Налапкин А.П. Профилактика преступлений в структуре судебно-экспертных технологий // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 2. С. 367–371.
  23. Хрусталев В.Н. К вопросу о содержании профилактической деятельности судебного эксперта // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 237–241.
  24. Хмыз А.И. Вопросы об экспертной профилактике при производстве судебной экспертизы // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 1. С. 105–108.
  25. Скобликов П.А. Первый приговор по обвинению в занятии высшего положения в преступной иерархии: освещение в СМИ и значение для правоприменительной практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. № 4. С. 43–51.
  - the Russian Federation. *Evrasiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2021, no. 3, pp. 256–259.
  2. Stepanov-Egiyants V.G. On criminalization of occupation of the supreme position in a criminal hierarchy. *Rossiyskiy sledovatel*, 2019, no. 5, pp. 57–61.
  3. Karmanovskiy M.S., Kosyanenko E.V. Responsibility for crimes under the articles 210 and 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2019, no. 2, pp. 147–152.
  4. Shesler A.V. “Thief in law”: criminal status or basis of criminal liability. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*, 2020, no. 1, pp. 110–123.
  5. Agapov P.V., Sukharenko A.N. Relevant Issues of Struggle against Russian Criminal Environment Leaders. *Bezopasnost biznesa*, 2017, no. 5, pp. 33–39.
  6. Karpov A.A., Kokhman D.V., Gribtsov A.N. Criminal law regulation of responsibility for occupying the highest position in the criminal hierarchy: features of qualification and prospects for legislative improvement. *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii*, 2021, no. 1, pp. 162–171.
  7. Pantyukhina I.V., Larina L.Yu. Issues of Regulation and Application of the Criminal Law Norm providing for Responsibility for Occupying the Highest Position in the Criminal Hierarchy (Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Lex russica (Russkiy zakon)*, 2020, no. 10, pp. 159–170.
  8. Ishigeev V.S., Romanova N.L., Lapsha V.L. Criminal the subculture and its role in determining the highest provisions in criminal hierarchy (Issues qualifications in the Article 210.1 the Russian Criminal Code). *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii*, 2020, no. 2, pp. 82–87.
  9. Tlupova A.V., Karchaeva K.A. On the application of article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Evrasiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2021, no. 4, pp. 267–268.
  10. Ishigeev V.S., Isakova E.A. The influence of art and media on the formation of the legal consciousness of police officers. *Filosofiya prava*, 2021, no. 1, pp. 169–172.
  11. Khisamutdinov F.R., Shalagin A.E. Criminal subculture and its prevention. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2015, no. 2, pp. 46–52.
  12. Ardashev R.G., Turkova V.N. Problematic issues of proving “thief in law” status of an accused while investigating crimes. *Zakon i pravo*, 2019, no. 6, pp. 140–142.
  13. Topilskaya E.V. On some specifics of the elements of crimes provided for in art. 210 and art. 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Kriminalist*, 2020, no. 2, pp. 38–42.
  14. Brezhneva K.V. Criminological determinants of professional crime and some problems of resocialization of repeat offenders. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, 2020, no. 4, pp. 38–41.
  15. Karavaeva Yu.S. Criminological and legal value of the highest position in the criminal hierarchy as characteristics of the social status of the subject of the crime and the personality of the criminal. *Rossiyskiy zhurnal pravovyykh issledovaniy*, 2020, vol. 7, no. 3, pp. 64–71.
  16. Berestovoy D.A. Criminal involvement in auto-aggressive acts in places of isolation from society: criminological

REFERENCES

1. Rastoropov S.V., Brezhneva K.V. “Viam supervadet vadens”, or how the law enforcement paves his way in the development of art. 210.1 of the Criminal Code of

- and criminal-legal aspects. *Agrarnoe i zemelnoe pravo*, 2021, no. 3, pp. 124–128.
17. Belyaeva T.N., Borisov S.V. Countering extremism (terrorism): priority direction of law enforcement activities in the aspect of ensuring national security. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*, 2020, no. 4, pp. 105–116.
  18. Rastoropov S.V., Brezhneva K.V. The influence of the media on the attitude in Russian society to leaders of organized crime. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2020, no. 5, pp. 274–276.
  19. Bychkov V.V. Criminal characteristic the first in criminal hierarchy (article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii*, 2019, no. 3, pp. 26–31.
  20. Ishigeev V.S., Smolkova I.V., Puzikova A.V. Occupation of the highest position in a criminal hierarchy as an object of criminalistic research. *Rossiyskiy sledovatel*, 2020, no. 11, pp. 45–48.
  21. Damdinov B.V., Parfenov A.V. Application of special knowledge in the organization of operational-search, search and identification activities to combat organized crime and bring to criminal responsibility persons occupying the highest position in the criminal hierarchy. *Zakon i pravo*, 2021, no. 5, pp. 176–178.
  22. Moiseev A.M., Kondratyuk S.V., Nalapkin A.P. Prevention of crimes in the structure of forensic expert technologies. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*, 2020, vol. 9, no. 2, pp. 367–371.
  23. Khrustalev V.N. On the issue of the content of the preventive activities of the forensic expert. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*, 2020, no. 2, pp. 237–241.
  24. Khmyz A.I. To a question about expert prevention in the production of judicial expertise. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2019, no. 1, pp. 105–108.
  25. Skoblikov P.A. First verdict on charges of occupation of the highest position in the criminal hierarchy: media coverage and importance to law enforcement. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*, 2020, no. 4, pp. 43–51.

PREVENTION OF TAKING UP THE HIGHEST POSITION IN THE CRIMINAL HIERARCHY: CULTURAL ASPECT

© 2021

S.V. Kondratyuk, assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: the highest position in the criminal hierarchy; crime prevention; criminal hierarchy; code-bound thief; cultural studies; criminal subculture; forensic examination.

Abstract: The paper analyzes the features of the criminal subculture that contribute to strengthening the criminal hierarchy and occupying the highest position in it. Regulatory and attributive features of the criminal subculture are highlighted. The corresponding cultural measures aimed at prevention of taking up the highest position in the criminal hierarchy are reduced to overcoming totalitarianism and extremism, the cult of criminal leaders’ personality, restriction on the use of cult tattoos, jargon, and other attributes of the criminal subculture. It is specified that when identifying a person who holds the highest position in the criminal hierarchy, special knowledge is essential not only regarding the mental sphere of the criminal but also about the criminal “world”, which in its whole forms a certain criminal subculture. It is proved that the attributive elements of the criminal subculture perform a number of functions in the criminal world, such as communication, conspiracy identification, and stratification as they allow to establish affiliation of a particular individual to a particular criminal caste. The paper specifies cultural determinants of taking up the highest position in the criminal hierarchy, and on their basis describes criminological approaches to prevent this type of crime. It is emphasized that the subject of cultural expertise in establishing the fact that a person holds a higher position in the criminal hierarchy is the specific status of this individual, the features of its acquisition, and the presence of distinctive attribute elements. The main task of the expert is to determine the conformity of the process of taking up a specific criminal status by a person to existing norms and traditions of the criminal community. The examples from investigations and court practice demonstrate the possibilities of forensic cultural expertise to establish the facts and circumstances that contributed (could have contributed) to the occupation of the highest position in the criminal hierarchy.